

В. С. Степин¹

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Актуальность проблемы диалога культур в эпоху современной глобализации вызвана множеством взаимосвязанных причин. С некоторой долей условности их можно разделить на три кластера.

Первый из них связан с усилившейся миграцией людей в современном глобализирующемся мире. Возникают проблемы адаптации носителей разных культурных традиций. В сложившейся культурной среде национальных государств возникают новые культурные анклавы, нередко вызывающие напряжения и конфликты. Не исключено, что глобальное потепление и такие его последствия, как повышение уровня Мирового океана и затопление больших населенных участков суши, приведут к новому велико-

му переселению народов. А это неизбежно породит проблемные ситуации столкновения и взаимодействия различных культурных традиций.

Второй кластер причин, актуализирующих проблематику диалога культур, связан со становлением в ходе современной глобализации новых крупных межгосударственных образований.

Для многих стран опыт Евросоюза становится своего рода паттерном. Несколько иной опыт добровольного объединения демонстрирует Содружество Независимых Государств (СНГ), образовавшееся после распада СССР. Вероятно, будет специфика и в реализации проектов интеграции ряда государств Южной Америки, как и недавно заявленного проекта интеграции стран Азии (Японии, Китая, Индии, Южной Кореи и ряда государств Юго-Восточной Азии).

Интегративные процессы сопровождаются поисками новой культурной идентичности. В качестве побочных негативных эффектов этого процесса могут возникать неожиданные обострения национальных отношений (причем это относится и к такому продвинутому в интеграционном плане образованию, как Евросоюз). Такого рода коллизии проявляются и в СНГ. Это своего рода «болезнь роста», связанная с поиском национальной идентичности. Я имею в виду ситуации, когда национальные элиты искусственно противопоставляют национальные языки русскому языку, национальную культуру — русской культуре. Но в XXI веке национальная идентичность не должна строиться на основе культурной изоляции и поиска врага. Это стратегии

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института философии РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (4 т.), «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин), действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

прошлого. Поэтому так важен диалог культур, который предполагает взаимное уважение и обогащение культур в процессе взаимодействия.

Наконец, третий кластер причин, на мой взгляд, системообразующих, связан с поиском новых стратегий глобализации и цивилизационного развития.

В конце XX — начале XXI века стратегия глобализации определялась стремлением сделать либеральные ценности основой будущей планетарной интеграции. Паттерны, демонстрирующие воплощение этих ценностей, представляли собой идеализацию различных аспектов образа жизни общества потребления (реализованного в США и Западной Европе).

Их глубинными основаниями были ценности, сформировавшиеся в эпоху становления «проекта Модерн» и затем модифицированные во второй половине XX века в процессе формирования общества потребления.

Однако стратегии глобализации, предполагающие копирование западных образцов потребительского общества, сегодня подвергаются серьезным сомнениям.

Рост благосостояния людей в экономически развитых обществах связан с постоянным повышением уровня энергопотребления. Подсчитано, что если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения.

К этому надо добавить, что прямо пропорционально росту энергопотребления возрастает и загрязнение природной среды. Если мысленно предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы.

Вместе с тем большинство развивающихся стран вряд ли удовлетворятся положением, когда их население заранее обречено быть за пределами «золотого миллиарда». Развивающиеся страны ставят своей целью повысить уровень потребления на душу населения, а в идеале — сравняться по этому показателю со странами Запада. Но существуют объективные энергетические и экологические ограничения этого процесса, нарушение которых приведет к дальнейшему обострению глобальных кризисов. Это означает, что необходима альтернативная стратегия глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и соответственно новых путей цивилизационного развития.

В докладе на предыдущих «Лихачевских чтениях» я отмечал, что в контексте этой сверхзадачи целесообразно выделить два подхода к диалогу культур.

Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что само общечеловеческое в разных культурах

воспринимается по-разному. Оно сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки межкультурного взаимопонимания, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, разделяющих культуры. Взаимопонимание необходимо, но еще недостаточно для выработки новых стратегий глобализации.

При втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции — как постоянно переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в этой связи возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей в качестве условия преодоления глобальных кризисов.

Точки роста новых ценностей — это такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы и которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Сегодня стратегия глобализации определена состоянием трех основных ее сфер: научно-технического развития, экономики, политико-правового регулирования. В каждой из них важно выявить проблемные ситуации и возможности точек роста новых ценностей. Относительно проблемных ситуаций в современном научно-технологическом и экономическом развитии я уже не раз высказывался, в том числе и на предыдущих Лихачевских чтениях. Поэтому я остановлюсь лишь на главных выводах проведенного анализа.

Современные изменения в науке и ее технологических приложениях связаны с освоением сложных саморазвивающихся систем. Это освоение приводит к изменению типа научной рациональности. Я обозначил его как постнеклассическую рациональность. В ее рамках возникает своеобразная перекличка ценностей техногенной культуры с целым рядом ранее отвергавшихся ею мировоззренческих установок традиционных культур. Здесь я выделил три главных аспекта.

Во-первых, это представления об окружающей нас среде как особом живом организме. С позиций классической картины мира они расценивались как ненаучные. Но сегодня они включаются в современную научную картину мира в качестве концепции глобальной экосистемы — биосферы. Во-вторых, научное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем (а такие системы всег-

да обладают синергетическими характеристиками) формируют новые стратегии деятельности, которые перекликаются с принципом «у-вэй» китайской культурной традиции и принципами ненасильственного действия, развитыми в индийской культуре. В-третьих, при изучении сложных человекообразных систем современная наука соединяет поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска. Только внутреннего этоса науки — «ищи истину», «наращивай истинное знание» — уже недостаточно. Его нужно постоянно соотносить с гуманистическими идеалами и ценностями. Такое соединение осуществляется в процессе этической экспертизы научно-технологических программ и проектов, и оно выступает условием получения истинного знания. Здесь западная идея о доминирующей самоценности истины начинает согласовываться с древневосточными идеями о нравственности как необходимом условии достижения истины (а истина открывается только нравственному человеку).

Все эти новые ценностные установки научно-технологического развития можно рассматривать в качестве предпосылок переосмысления стратегий нашей деятельности и нашего отношения к природе. Но пока эти новые ценностные ориентиры не стали приоритетами массового сознания и повседневной практики. Во многом этому препятствуют доминирующие установки экономического сознания и соответствующая им организация мировой экономики. В этой сфере современных глобальных процессов также возникают проблемные ситуации.

Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» (2004), развивая идеи Римского клуба о пределах роста, указывал на ряд мифов современной техногенной культуры, которые лежат в основе современной экономической деятельности и от которых необходимо отказаться. В первую очередь это относится к фундаментальному принципу сегодняшнего потребительского общества: «Чем больше вы потребляете, тем это лучше для экономики». В организации современного рынка этот принцип играет важнейшую роль, поскольку рост производства связан обратной связью с ростом потребления.

В процессе формирования потребительского общества этот принцип получил особую интерпретацию. Американский аналитик рынка середины XX века В. Лебов выразил ее в форме следующей доктрины: экономика требует, «чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение, удовлетворение собственного «я». Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все возрастающей быстротой»¹. Э. Ласло подчеркивает, что современная цивилизация за пятьдесят последних лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые.

Во второй половине XX века доктрина роста потребления стимулировала формирование новых от-

ношений товарного и финансового рынков. Произошла автономизация финансовой сферы и превращение денег в особый товар, что стало источником новых кризисных явлений в экономике. Все это проблематизирует фундаментальный принцип увеличения потребления как стимула экономического роста. Но отказ от этого принципа означает радикальное изменение современной стратегии экономического развития и образа жизни потребительских обществ. В этой связи возникает новая проблема: имеются ли предпосылки таких изменений в современной экономике? Это проблема, которую нужно специально анализировать с учетом перемен, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления, конкуренция на рынке мировых валют, открывающая принципиальные возможности формирования единой мировой валюты под международным контролем, и т. п.

Теперь остановлюсь на проблемах третьей сферы, определяющих стратегию современной глобализации, — сферы политико-правовых отношений. В качестве основных ценностей в этой сфере глобализующегося мира провозглашены демократия и права человека. Но и здесь возникают проблемные ситуации.

В свое время Уинстон Черчилль сказал, что демократия имеет множество недостатков, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Демократия действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, поскольку предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и авторитарном способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. Президенты и парламенты избираются на относительно короткие сроки. Они, естественно, думают о том, что сделают за этот короткий срок, какие реальные результаты могут получить. Они тактически ориентированы, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменных, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность политиков перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей. Однако и простое увеличение сроков пребывания у власти тех или иных политиков не решает проблему, поскольку, как правило, здесь возникает опасность дрейфа от демократических к авторитарным формам правления.

В современных условиях возникают проблемы и в самом процессе реализации демократических процедур. Появление новых средств коммуникации (Интернет, мобильная связь) создает новые возможности гласности, более активного участия людей в политической жизни, в организации массовых протестов и т. п. Но вместе с тем постоянно разрабатываются новые технологии программирования массового сознания. Они инициируют разнообразные

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе. Тем самым проблематизируется идея прав человека. Как показано в работах Э. Ю. Соловьева, развитие этой идеи в трех декларациях прав человека учитывало негативный опыт своеволия монархии, религиозных войн и тоталитаризма XX века. Но сегодня возникает новая проблема — защиты личности от информационного насилия.

Проблема прав человека сегодня становится одной из наиболее острых в современном диалоге культур. Она связана с особым пониманием ценности личности и индивидуальных свобод. Быть личностью в традиционных обществах значило быть частью некоторой корпоративной общности (клана, сословия, касты), к которой личность часто принадлежала от рождения. Поэтому и понимание свободы в традиционалистских культурах акцентировало ее коллективистский смысл. Индивидуальная свобода понималась как подчиненная коллективистской свободе.

Приоритет индивидуальных свобод укоренился в новоевропейской культуре «проекта Модерн». Он сформировался в процессе становления техногенного типа цивилизационного развития. Именно здесь складывается идеал свободной и суверенной личности, которая может включаться в различные социальные общности, не будучи жестко привязанной ни к одной из них. Соответственно утверждается приоритет индивидуальных свобод, который увязывается с идеей права и оформляется в концепции естественных прав человека. Обоснованная в философии Нового времени, эта концепция становится теоретическим основанием правовых практик демократических государств.

В процессах современной глобализации взаимодействуют страны и культуры разного цивилизационного типа. Еще сохранились страны, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, сравнительно недавно, по историческим меркам, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки). В их культурах еще сохраняются архетипы традиционалистского типа понимания личности и приоритета коллективных свобод над индивидуальными.

Взаимодействие стран с различными правовыми культурами с неизбежностью ставит вопросы о балансе прав человека и прав народов. Особая острота этой проблематики обозначилась в наше время, в ситуациях «геополитических игр» Запада, когда

под предлогом защиты прав человека нарушалось международное право, развязывались войны, сопровождающиеся гуманитарными катастрофами (Сербия, Ирак).

Опыт манипуляций с правами человека свидетельствует в пользу простой истины: насильственное принуждение, попирающее права народов, не только не утверждает идеал прав человека, но в целом деавуирует и саму идею правового общества.

И еще один аспект обозначился в проблематике прав человека на современном этапе развитии цивилизации. Он связан с возможными социальными последствиями внедрения конвергентных (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологий. Прежде всего речь идет о новых подходах к правам человека, с учетом перспективы все более широкого использования современных биотехнологий и возможностей манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности.

Перспективы продления жизни до 120–150 лет, формирование заранее заданных биологических свойств человека, применение нейрофармакологических препаратов нового поколения, усиливающих память и другие когнитивные способности, ставят перед обществом новые этические и правовые проблемы. Как отмечал Ф. Фукуяма, биологическая революция в конечном счете поставила на карту «нечто, имеющее отношение к природе человека, специфические для вида свойства, общие для всех людей как таковых»¹.

Идея же прав человека в истоках своего возникновения формулировалась как идея естественных прав. Она неявно предполагала некоторый инвариант человеческой природы, общий у всех людей на планете. Но если применение биотехнологий создаст резкое различие между индивидами в их биологической основе — допустим, для богатых людей будут доступны дорогостоящие технологии продления жизни и формирования качественно новых когнитивных способностей, а для бедных недоступны, то реально будет создано нечто подобное кастам высших и низших рас. Как быть в этих условиях с идеей прав человека?

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей, открываются новые перспективы диалога культур. Их надо отследить, выявить и посмотреть, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. И сегодня это уже не чисто теоретическая задача, а практическая потребность определить возможные стратегии развития современной цивилизации.

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 147.